

Резюме

В статье рассматривается история становления экологической антропологии в США и развитие входящих в это направление научных школ.

Summary

The Genesis of American Ecological Anthropology

The article describes the genesis and development of American ecological anthropology, which focuses upon the complex relations between people and their environment. The author gives a brief analysis of its principal concepts such as cultural ecology, the ecosystem model, ethnoecology, and historical ecology.

УДК 165.191

КОНЦЕПЦИЯ МИФА В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТАРТУСКО - МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ

Серeda И.В.

УО «Гродненский государственный аграрный университет
г.Гродно, Республика Беларусь

Во избежание возможных недоразумений следует подчеркнуть, что в настоящей работе не будет специально рассматриваться вопрос о мифе как специфическом повествовательном тексте и, следовательно, о структуре мифологических сюжетов (так же, как и тот угол зрения, который рассматривает миф как систему и в связи с этим сосредоточивает внимание на парадигматике мифологических элементов). Миф в данной статье будет рассматриваться в первую очередь как феномен сознания.

В рамках традиционного подхода, укоренилось представление о движении человеческой культуры от мифопоэтического первоначального периода к логико-научному — последующему. Другими словами, мифологическое мышление с этой точки зрения хронологически предшествовало логико-научному.

Тартуско - Московская школа (в частности Ю. Лотман и Б. Успенский) предлагает принципиально иной подход (иную методологию) к изучению движения и развития культуры. Суть его заключается в том, что с момента возникновения культуры ее непреложным законом является система совмещения в ней противоположно организованных структур моделирования действительности или типов семиозиса (где под семиозисом понимается "процесс интерпретации знака", или процесс порождения значения). В процессе актуализации той или иной структуры имеет место доминирование определенных

культурных моделей или субъективная ориентация на них культуры как целого. То есть, речь идет лишь о доминировании, а не исключительном функционировании определенного типа семиозиса. С этой точки зрения и мифологическое и научное мышление сопутствовали человечеству на всем его культурном пути.

Таким образом, в культуре можно выделить два принципиально различных способа описания окружающей действительности - «мифологическое» и «дескриптивное» (немифологическое) описание. Эти способы описания можно продемонстрировать на примере двух фраз, предлагаемых Лотманом в статье «Миф - имя - культура»:

Мир есть материя.

Мир есть конь.

В первом случае речь идет об определенном соотношении (которое может приниматься, например, как соотношение частного с общим, включение во множество и т. п.), во втором — непосредственно об отождествлении. Что касается предиката то с позиции современного сознания слова *материя* и *конь* в приведенных конструкциях принадлежат различным уровням логического описания.

Первое (Мир есть материя) тяготеет к уровню метаязыка. Под метаязыком понимается в данном случае абстрактный язык описания (или абстрактный конструкт, который не имеет значения вне этого языка описания). В первом случае существенно принципиальное отсутствие изоморфизма между описываемым миром и системой описания.

Во втором случае (Мир есть конь) описание тяготеет к уровню языка-объекта. То есть, мы имеем ссылку на такой же предмет, но расположенный на иерархически высшей ступени - первопредмет, праобраз предмета, что позволяет говорить о признании изоморфизма между описываемым миром и системой описания.

Таким образом, первая фраза относится к уровню дескриптивного описания, в основе которого заложен метаязык. Вторая же фраза тяготеет к мифологическому описанию, которое ссылается на метатекст, то есть на текст, выполняющий металингвистическую функцию по отношению к данному объекту; при этом описываемый объект и описывающий метатекст принадлежат одному и тому же языку. В этой связи мифологическое описание принципиально монолингвистично — предметы этого мира описываются через такой же мир, построенный таким же образом; иначе говоря, в рамках мифологического описания происходит отождествление слова и денотата (обозначаемого объекта). Между тем немифологическое описание определено полилингвистично — ссылка на метаязык важна именно как ссылка на иной язык (все равно, язык абстрактных конструктов или иностранный язык — важен сам про-

цесс перевода-интерпретации). Соответственно и понимание в одном случае так или иначе связано с переводом (в широком смысле этого слова), а в другом же — с узнаванием, отождествлением.

Итак, в конечном счете дело может быть сведено к противопоставлению принципиально одноязычного сознания и такого, которому необходима хотя бы пара различно устроенных языков. Сознание же, порождающее одноязычные описания, будет определяться как «мифологическое».

Мир, представленный глазами мифологического сознания, должен казаться составленным из объектов: 1) **одноранговых** (понятие логической иерархии в принципе находится вне сознания данного типа); 2) **нерасчлененных на признаки** (каждая вещь рассматривается как интегральное целое); 3) **однократных** (представление о многократности вещей подразумевает включение их в некоторые общие множества, то есть наличие уровня метаописания).

Мифологический мир однорангов в смысле логической иерархии, но зато в высшей мере иерархичен в семантически-ценностном плане; нерасчленен на признаки, но при этом в чрезвычайной степени расчленен на части (составные вещественные куски); наконец, однократность предметов не мешает мифологическому сознанию рассматривать — странным для нас образом — совершенно различные, с точки зрения немифологического мышления, предметы **как один**.

Проиллюстрировать вышеизложенное положение можно на следующем примере: *в мусульманской космологии Куоката - это огромный бык, у которого четыре тысячи глаз, ушей, ноздрей, ртов и ног. Чтобы пройти от одного уха до другого или от одного глаза до другого требуется не более и не менее как пятьсот лет. Кужата стоит на спине рыбы Багамут, на спине быка лежит громадная рубиновая скала, на скале стоит ангел, на ангеле покоится наша земля. Под рыбой простирается безбрежное море, под морем зияет воздушная бездна, под воздухом находится огонь, а под огнем змея, такая огромная, что кабы не страх перед Аллахом, она поглотила бы весь мир.*

Из примера видно, что: 1) иерархии метаязыковых категорий соответствует в мифе иерархия самих объектов, в конечном смысле — иерархия миров; 2) расчленению на дифференциальные признаки здесь соответствует расчленение на части («часть» в мифе функционально соответствует «признаку» дескриптивного текста, но глубоко от него отличается по механизму, поскольку не характеризует целое, а с ним отождествляется); 3) логическому понятию класса (множества некоторых объектов) в мифе соответствует представление о многих, с немифологической точки зрения, предметах как об одном.

Следует отметить, что мифологическое мышление может рас-

смагиваться как парадоксальное, но никоим образом не как примитивное, поскольку оно успешно справляется со сложными классификационными задачами. В частности, этнические группы, находящиеся на заведомо ранних стадиях культурного развития и характеризующиеся ярко выраженным мифологизмом мышления, в целом ряде случаев могут обнаруживать поразительную способность к построению сложных и детализованных классификаций логического типа.

Одной из основных особенностей мифологического описания является достаточно специфический тип семиозиса, который сводится к процессу номинации. Другими словами, знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени. В связи с тем, что имя не характеризуется дифференциальными признаками, но только обозначает объект, к которому прикреплено данное имя, общее значение имени собственного будет принципиально тавтологично, а множество одноименных объектов не разделяют с необходимостью никаких специальных свойств, кроме свойств обладания данным именем. Например, если фраза *Иван — человек* не относится к мифологическому сознанию, то одним из возможных результатов ее мифологизации может быть, например, фраза *Иван-Человек*. — и именно в той степени, в какой слово «человек» в последней фразе будет выступать как имя собственное, отвечающее персонификации объекта и не сводимое к «человечности» (или вообще к тем или иным признакам «*homo sapiens*»). Таким образом, можно заметить, что нарицательное имя в предикатной конструкции соотносится с некоторым абстрактным понятием. Тогда как в соответствующих примерах с собственными именами имеет место определенное отождествление (соотнесение с изоморфным объектом в иной ипостаси).

Следует также подчеркнуть связь некоторых типичных сюжетных ситуаций с номинационным характером мифологического мира. Таковы ситуации «называния» вещей, не имеющих имени, которые рассматриваются одновременно и как акт творения; «переименования» как перевоплощения или перерождения; «узнавания» истинного названия или сокрытия его. В этой связи показательны разнообразные табу, накладываемые на имена собственные; в то же время и табуирование имен нарицательных (например, названий животных, болезней и т. д.) в целом ряде случаев определенно указывает на то, что соответствующие названия осознаются (и, соответственно, функционируют в мифологической модели мира) именно как собственные имена (так, например, название болезни (вслух) может осмысляться именно как призывание ее: болезнь может прийти, услышав свое имя (ср. в

этой связи обиходные выражения типа «накликать беду, болезнь» и т. п.)).

Итак, можно сделать вывод, что общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу. Миф и имя непосредственно связаны по своей природе. В известном смысле они взаимопределяемы, одно сводится к другому: миф — персонален (номинационен), имя — мифологично. Также следует добавить, что система собственных имен образует особый мифологический слой естественного языка, инкорпорированный в его толщу и иначе устроенный. Конечно, нельзя утверждать, что мифологический пласт естественного языка сводится непосредственно к собственным именам, однако собственные имена составляют его ядро.

Подводя итог всей статьи, хотелось бы еще раз обратить внимание на основные ее положения: во-первых - бытийствование человека связано только со словом, вмонтированным в контекст определенного текста; во-вторых - формирование слова и его содержания начинается с мифа, который определяет слово как имя собственное, а имена собственные в свою очередь составляют основу и ядро естественных языков. Однако если слово о вещи однажды образовалось, то оно норовит жить уже собственной жизнью и вовсе не всегда склонно к отражению тех вещей, которые его же и породили и отражением которых оно же и является.

В заключении хотелось бы выразить надежду, что данная концепция мифа, предложенная представителями Тартуско-Московской школы семиотики, поможет демифологизировать современное рациональное сознание. Но не с целью искоренения мифа, а для того чтобы "отделить зерна от плевел" и увидеть четкую границу, отделяющую мифологическое сознание от научного.

Резюме

В статье анализируется концепция мифа, предложенная, представителями Тартуско-Московской семиотической школы (Ю. Лотманом и Б. Успенским), которая рассматривает миф как феномен сознания. Определяются основные признаки мифологического сознания, а также показывается специфика семиозиса, характерного для мифологического типа мышления.

Summary

Concept of myth which was posed by representatives of Tartu-Moscow School of semiotics (Yu. Lotman and B. Uspenski) is analyzed in the article. According to this, myth is rated to be the phenomenon of senses. Main signs of mythological senses are determined in the article. Particularity of semiosis which is characteristic of mythological type of thought are pointed out as well.